

Тропология Х. Уайта: спорные моменты

В.В. ЦАЦАРИН

Рассматривается неоднозначно воспринятый в научном сообществе аспект философско-исторической концепции американского мыслителя Х. Уайта – тропология. Философа часто называют автором лингвистического поворота в осмыслении истории. Уайт указал, что историк при написании своих работ пользуется приемами, принятыми не в науке, а в литературе. Важное место среди них он отводил тропам. Споры о тропологии уайтовой концепции ведутся на протяжении второй половины XX и в начале XXI в.

Ключевые слова: философия истории, тропы, историческое исследование, историческое познание.

The article deals with tropology that is the ambiguously perceived in the scientific community aspect of the philosophical and historical concept of the American thinker H. White. A philosopher is often called the author of a linguistic turn in the comprehension of history. White pointed out that the historian, while writing his works, uses techniques not accepted in science but in literature. He considered tropes to be extremely important. Disputes about the tropology of the White concept are being made during the second half of the 20th and the beginning of the 21st century.

Keywords: philosophy of history, tropes, historical research, historical cognition.

Американский мыслитель Хейден Уайт – фигура для философии истории неоднозначная. Его работы оказали значительное воздействие на философское, а также на историческое познание. Кто-то соглашался с философом, находил в его рассуждениях «рациональное зерно». Но большинство историков относится к концепции Уайта довольно-таки негативно.

Постсоветское сообщество историков и философов по большому счёту открыло для себя Уайта после 2002 г., когда была переведена и опубликована его знаменитая монография «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в.» [1]. И, как и на Западе, встретило её неоднозначно. Уже само название книги настораживает. В нашей традиции история непременно рассматривалась как наука. Опираясь на концепцию Маркса, она строилась по чётким общим законам развития общества, смене общественно-исторических формаций, борьбе классов и т. п. Если что-то не вписывалось в схему, то особой проблемы в этом не видели, ведь не бывает правил без исключений. Скажем, Монголия шагнула сразу из феодализма в социализм, удачно минуя тяготы капиталистического способа производства. После утраты марксизмом монополии в определении подхода к пониманию исторического прошлого, отечественные историки могли не использовать подобную терминологию, но были убеждены, что занимаются научной деятельностью, пусть и несколько иного типа, чем физики или математики. А здесь, вдруг, историческое воображение. Углубившись в текст работы, историк получал ещё один «удар»: по Уайту, выбор средств объяснения, при помощи которых историк создаёт свои произведения, носит внеэпистемологический характер [1, с. 50–51]. Тип построения сюжета, тип формального доказательства и тип идеологического подтекста, которыми пользуется историк при написании работы, не относятся к научным. Уайт прямо заимствует их типологии из литературоведения, политологии, но не из теории научного познания.

Уайтовой тропологии также досталось немало. Уже одно утверждение, что исторические работы можно поделить на основании того, какой троп в них превалирует, вызывает праведный гнев историков, отстаивающих научность своей деятельности. Напомним, что троп – это риторическая фигура, слово или выражение, используемое в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи. Тропы широко используются в литературных произведениях, ораторском искусстве и в повседневной речи. Так это, во всяком случае, утверждает знаменитая «Википедия». Конечно же в науке тропы не нужны. Ведь они только затемняют истинный смысл, ведут к иносказательности, то есть могут быть отнесены к виду идолов рынка или площади по классификации Френсиса Бэкона.

Рассмотрим всё же саму тропологию Уайта. Он использует традиционные четыре тропа, выделяемых в теории языка XX в. – метафору, метонимию, синекдоху и иронию, хотя и отмечает, что всё это – варианты метафоры. Только метафора по существу репрезентативна, метонимия – редукционистична, синекдоха – интегративна, ирония – негативна [1, с. 52]. При этом первые три тропа Уайт называет наивными в том смысле, что тот, кто их использует, уверен в возможности языка схватывать природу мира в фигуративных терминах. Ирония же, по Уайту, сентиментальна в шиллеровском смысле этого слова, то есть самосознающая [1, с. 55].

Далее Уайт приводит примеры применения наивных тропов на простом уровне: роза как репрезентация любимой женщины, указание на её качества и свойства при метафоре; отождествлении паруса как наиболее важной части корабля и всего судна, то есть сведение одного объекта к статусу проявления другого при метонимии; образное перенесение свойств части на весь объект при синекдохе (выражение: «он весь – сердце» как характеристика доброты и отзывчивости человека).

Ирония же или неявно утверждает то, что отрицалось эксплицитно, либо имплицитно отрицает то, что утверждалось на явном уровне (буквально). Поэтому её Уайт называет метатропологичной. Например, при определённом тоне голоса она способна неявно отрицать у человека положительные качества, даже если его охарактеризовать при помощи приведённой выше синекдохы. «В иронии фигуративный язык обращается сам к себе и ставит под сомнение собственные потенции восприятия» [1, с. 56]. Более того, ставится под вопрос сама возможность постичь суть мира при помощи языка.

Данный подход Уайт использовал в собственном анализе произведений известных западных историков и философов истории XIX в.: Ж. Мишле, Л. Ранке, Я. Буркхардта, А. Токвиля, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Ницше и Б. Кроче. Подробности этого исследования можно прочесть в выше названной книге. Отметим только, что этим Уайт показал работоспособность своих теоретических конструкций, в отличие, скажем, от основоположника феноменологии Э. Гуссерля, который так и не смог объяснить и показать, как осуществляется феноменологическая редукция как процесс.

Критики Уайта обвиняли его в том, что он стремится принизить деятельность историка и лишит историю статуса науки [2, с. 38–39]. Необходимо согласиться с В.М. Бухараевым и Г.П. Мягковым, что такого замысла, когда читаешь «Метаисторию», незаметно. Уайт пишет о каждом исследуемом произведении каждого историка уважительно. Конечно, у Уайта нет цели, как, скажем, у его соотечественника А. Данто, доказать (или обосновать), что история – это наука. Последнюю традицию можно рассматривать как реакцию на позитивистское стремление «очистить» все науки от метафизики и заменить традиционную историю наукой об общих законах общества. Как образец брали математику и естествознание. Среди наук о природе ведущую роль в начале первой половины XX в. играла физика. В итоге естествознание было выбрано как эталон науки вообще. Даже определение понятия «наука» можно безо всяких оговорок применять к дефиниции физики или химии. Методы, применяемые в естествознании, также стали эталонными для науки. Традиционно в наших учебниках в разделе «Гносеология» прописано разделение методов научного познания на эмпирические и теоретические. Среди эмпирических методов выделяют наблюдение, измерение и эксперимент. Возникает вопрос, что из этого применимо в историческом познании? То, что перечисляется среди теоретических методов исследования, часто к исторической науке имеет примерно такое же отношение. Получается, что историк в своём исследовании не применяет общепризнанные научные методы. Следовательно, история наукой может и не считаться. Даже в современных определениях науки часто имеется пункт, что наука должна вырабатывать знания, на основании которых происходит преобразование человеком действительности. Это также явный уклон в естествознание. И если он имеется сейчас, то он ещё больше присутствовал ранее, во время «великих побед» человека над природой.

Вместе с теми, кто считал историю ненаукой, были и те, кто стремился обосновать противоположную тенденцию. Что касается нашей традиции, то монополия марксизма не позволяла развиваться дискуссии о научном или ненаучном статусе истории. А все западные размыш-

ления, в лучшем случае, могли представляться как агония буржуазно-капиталистического способа мышления. Отсюда и абсолютная уверенность наших историков в научном статусе истории. Существуют специально разработанные методы исторического исследования, которых каждый историк придерживается. Имеются методы критического рассмотрения источников. Факты, используемые для написания исторических произведений, проверяются. В конце концов, имеется Академия наук, а в ней – Институт истории. Поэтому Уайт, якобы, неправ.

О том, что он не собирается оценивать качество и историческую ценность исследуемых произведений историков, Уайт заявил в начале своей книги. Это он оставил специалистам. Следовательно, как философ истории, он мог не обращаться к методикам критики письменных источников, к допустимости тех или иных выводов в свете данных археологии и этнографии и пр. (хотя книги, которые исследовал и описывал в данной своей работе Уайт, относятся к периоду, когда археология, этнография и иные вспомогательные исторические дисциплины мало использовались). Он исследовал ход мышления и построения исторических трудов в общем.

Здесь возникает новое давнее противостояние: между историками и философами истории. Уже Гегель в своих философско-исторических размышлениях фактически запретил историкам размышлять над открытыми историческими фактами и делать выводы и обобщения. Этим, якобы, должны заниматься только философы истории. В то же время, Гегель считал, что философ не должен замечать многообразие исторических событий, а смотреть как бы сквозь них и выделять общее направление движения истории [3, с. 63]. Получалось разделение совсем в духе более позднего по отношению к Гегелю позитивизма: историк собирает и описывает факты, а философ истории выводит общие законы развития человечества.

Возражений здесь может быть несколько. Первое – чисто техническое. Как писал М. Хайдеггер, человек – это не некий изолированный от мира субъект, который изучает мир как объект. Человек одновременно и живёт в мире, и понимает его. Аналогично и в исследовании прошлого. Сложно представить описание какого-то исторического факта без размышлений, обобщений и выводов. Таким образом, конструкция Гегеля – это полнейшая абстракция, реализовать которую невозможно. Второе – касается самоуважения историков. Найти и описать факт (допустим, что такое возможно) и передать его для анализа и выявления его значимости философу – это очень сложно с точки зрения человеческой гордости. Третье возражение касается вопроса, почему это философы диктуют, что можно, а что нельзя делать историкам? Рационально ответить на это возражение невозможно.

Возвращаясь к Уайту, отметим, что, возможно, такие же мысли подтолкнули некоторых исследователей писать опровержения его концепции, обвинять в том, в чём он не был замечен, в частности, в принижении роли историка. Уайт не диктует историкам, что и как они должны (и не должны) делать. Он сомневается в тезисе, который в качестве ориентира для коллег высказал фон Ранке: исследовать всё так, как оно на самом деле произошло. Но в возможности этого сомневается и множество историков! Не говоря о фальсификациях и умышленном искажении, подлоге источников, игнорировании их и т.п., высказываются идеи о двойной субъективизации, которая присутствует в каждом зафиксированном в источнике историческом факте: 1) события были описаны человеком, который их «пропустил» через собственное мировосприятие; 2) записанный факт получает понимание, а значит и интерпретацию, тем историком, который использует его в своём исследовании. Уайт не пишет в «Метаистории» о том, что историки и исследователи историографии не должны критически осмысливать работы своих предшественников и коллег с чисто профессиональной точки зрения. Его релятивизация, в которой Уайта также нередко обвиняли, не основывается на том, что кто-то проигнорировал определённые факты, а кто-то учёл всё и пришёл к совершенно иным выводам. Релятивизм и равноправие различных исторических подходов проявляется в том, что Уайт не отдаёт приоритет ни одному из выделенных им: тропов, типов построения сюжета, типов формального доказательства, типов идеологического подтекста. То есть, если один историк описал Великую Французскую революцию, используя иронию и сатиру, а другой – метонимию и комедию, если в одном исследовании контекстуализм соединён с либерализмом, а в другом – органицизм с радикализмом, то предпочтение не стоит отдавать ни первому исследованию, ни второму. В этом смысле, то есть как исторические сочинения, они абсолютно равноправны.

Среди серьёзных оппонентов Уайта выделяется Франклин Анкерсмит. Он обвиняет теорию Уайта в амбивалентности. «Метаистория» – это не теория написания истории, а указатель, как необходимо читать исторические произведения. Уайт, по Анкерсмицу, прочитал исторические сочинения так, как если бы они были романами. К тому же, Уайт, высказывая тезисы о релятивизме историографии, (его тезис о том, что выбор между взглядами того или иного историка осуществляется по эстетическим мотивам) сделал историографию более философской, а философию истории – более историографической [4, с. 28–29]. Но более важна, по Анкерсмицу, амбивалентность тропологии Уайта. Именно она сблизила историю с литературой, что и стало причиной многочисленной критики концепции. По словам Анкерсмита, такое сближение, с одной стороны, не оставляет места для размышлений об истине, проверяемости исторических построений, когнитивной деятельности самого историка. Но с другой, философ приводит несколько мыслителей (М. Блэк, М. Хессе), которые, кроме Уайта, размышляли о метафорическом характере формирования понятий в науках [4, с. 30–31].

В качестве возражения Анкерсмицу, как и самому Уайту, можно привести аргумент об амбивалентности самой истории как феномена культуры. Историческое познание и, следовательно, исследование – это нечто особое, расположенное где-то между наукой и искусством (литературой). Историк действительно строит свои поиски, применяя некоторые методы. Самые известные среди них – историко-сравнительный и историко-генетический. Суть первого принято сводить к сопоставлению различных подходов, мнений на изучаемый предмет, применению комплекса (по возможности) исторических источников как письменных, так и иных. И эти источники также подвергаются критике, анализу, касающихся степени их достоверности и пр. Второй – предполагает изучение объекта со времени его зарождения (появления) в развитии. Имеются также иные моменты, сближающие историю с наукой. Однако никто не будет спорить, что историческое исследование – это наука особого рода. Многочисленные попытки применить здесь разные варианты верифицируемости знаний потерпели неудачу. Необходимо отметить, что данный тезис справедлив и для естествознания, кроме его классических разделов. Повсеместно входит в обиход положение о том, что современные естественнонаучные исследования, касающиеся сложных систем с вариативным поведением, всё больше вынуждены обращаться не к собственной классической методологии, а к гуманитарным методикам. Тем не менее, по предмету исследования (изучается то, чего больше в современной реальности не существует) и методологии, методике изучения история отличается от иных наук. А. Данто заметил, что имеется ещё одна наука, изучающая только прошедшие явления, причём нередко прошедшие очень (по человеческим меркам) давно, но относящаяся к точным естественным наукам – астрономия. Но данный аспект выходит за рамки данной статьи и рассматриваться здесь не будет.

Моментом, сближающим историю и литературу, на наш взгляд, является язык. Специфической исторической терминологии, подобной философской, физической, химической и т. п. нет, либо её не очень много. Исторические исследования часто написаны более-менее доступным языком, понятным и неспециалистам. Конечно, разные авторы читаются с разной степенью доступности в восприятии. Например, некоторые монографии по археологии чрезвычайно перегружены описанием найденных вещей, их типологией, выявлением сходных черт. Однако иные работы, не менее научные, то есть историчные, посвящённые схожим проблемам, но написанные другими археологами, воспринимаются легче. Здесь явно разница не в степени научности (и те, и другие авторы имеют заслуженные учёные степени) или значимости, а в стиле того или иного специалиста.

Кроме научных моментов, о которых говорится выше, историк при написании работы пользуется и теми приёмами, о которых писал Уайт. Это и тропы, и построение сюжета, и тип доказательства, и идеологический подтекст. И то, что они ненаучны, не делает историческое познание менее значимым для общества. Наоборот, это придаёт историческим исследованиям большую читабельность, интересность и понятность. Не секрет, что исторические сочинения читают больше людей разных профессий, чем монографии по квантовой физике или органической химии. Причина этого, которая лежит на поверхности, – это сложный специфический язык, перегруженность непонятными терминами последних. Поэтому близость литературе – это не порок, а достоинство истории. Пороком она становится только тогда, когда неспециалисты, видя кажущуюся простоту исторического познания, берутся писать сенсационные псевдоисследования.

Сам Х. Уайт своё предисловие к русскоязычному изданию «Метаистории» начал с того, что сейчас (в начале XXI в.) написал бы книгу иначе [1, с. 7]. То есть, он не считал свою концепцию, а, следовательно, и тропологию, абсолютной истиной. Но он не указывал, что не писал бы книгу вообще, хотя, по факту, она принесла ему сколько известности, столько и проблем. Типология исторических исследований и сочинений Уайта работает. Она предоставляет возможность изучать то, что написано историками не только с позиций истинно/неистинно, но и по иным критериям. И в этом её значимость и для философии истории, и для историографии.

Литература

1. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – 528 с.
2. Бухараев, В.М. Тропологическая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы / В.М. Бухараев, В.П. Мягков // Учёные записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149, кн. 5. – С. 33–43.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
4. Анкерсмит, Ф.Р. Тропология и история: взлёт и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.11.2017